

СТРАНИЦЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

В.И. Охотникова

Два юродивых. “Борис Годунов” А.С. Пушкина и Повесть о явлении икон на Синичьей горе

Становление Пушкина как национального поэта, глубоко постигшего историческое прошлое и настоящее своего отечества, произошло в период его ссылки в Михайловское. Здесь, среди лесов, усадеб, полей, рек, гор и церквей, обостренное чувствовался воздух прошлых столетий. Сам неспешный ритм сельской жизни, ее единство с природными циклами внушали мысль о незыблемости человеческого бытия и его нераздельности во времени, о пребывании прошлого в настоящем. Оно, прошлое, напоминало о себе поклонными крестами, часовнями, поставленными в память об особо дорогих для русского человека событиях, древними городищами, легендами, воскресавшими в нехитрых рассказах живущих ныне людей далекие времена. Особой значимостью для жителей Святых гор обладали события середины XVI в., явление отроку Тимофею икон Богоматери и основание на Синичьей горе монастыря по повелению царя Ивана Грозного. Память о явлении икон отроку Тимофею воплоти-

лась в Успенском храме на Синичьей, “ныне зовомой” Святая, горе. Воспоминанием об этих событиях была знаменитая святогорская ярмарка, на которой бывал и Пушкин, она проходила в девятую неделю после Пасхи. В это же время совершался и крестный ход со святогорскими иконами в Псков, от Святогорского монастыря до городища Воронич иконы несли на руках, здесь, на берегу реки Сороть, совершалась торжественная церемония: иконы помещали в специальную ладью, и, сопровождаемые духовенством, иконы плыли в Псков. Эта церемония ежегодно проходила у подножия тригорских холмов, и за ней могли наблюдать обитатели усадьбы и их гости. Прошлое Святых гор трудно было не заметить, оно оживало каждый год в богослужениях и народных празднествах, оно претворилось в часовни и кресты, в письменной форме оно воплотилось в памятнике древнерусской литературы - Повести о явлении икон на Синичьей горе. История Святогорского монастыря вольно или невольно, в устных рассказах и, возможно, через письменные источники стала частью мира Древней Руси, в который “вживался”

Охотникова Валентина Ильинична - кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М.Кирова.

Пушкин в период работы над трагедией “Борис Годунов”.

Все исследователи, занимающиеся Михайловским периодом в жизни Пушкина, предполагают, что, бывая в Святогорском монастыре, он бывал и в монастырской библиотеке, знакомился с ее книжным собранием. О том, что Пушкин мог заниматься в библиотеке Святогорского монастыря, писали, упоминали многие литературоведы. Не перечисляя многочисленных работ разных ученых, сошлюсь лишь на одну из последних. С.А. Фомичев, описывая историю замысла трагедии “Борис Годунов”, отмечает, что работа над трагедией двигалась споро вплоть до монолога Пимена в Чудовом монастыре, затем черновые записи трагедии из Второй масонской тетради вообще исчезают. Объясняя причины того, почему работа над пьесой была прервана, С.А. Фомичев, в частности, пишет: “И вообще необходимо было многое осмыслить и узнать, покопаться в библиотеке Святогорского монастыря, прислушаться к народным песням, посидеть на горе Воронич (где когда-то стоял город, сожженный войском Стефана Батория), представив вживе былое время”.¹

Тема “Пушкин - читатель Святогорской библиотеки” почти не разрабатывалась, и тому есть вполне объективные причины. Одна из них состоит в том, что нам неизвестен состав библиотеки Святогорского монастыря времен Пушкина. Недавно обнаружена в РГИА опись монастырского имущества 1866 г., (РГИА, ф. 834, оп. 3, № 2973),² в которой есть и описание монастырской библиотеки (л. 34-56 об.; 83-87). Эту опись еще предстоит исследовать, предварительный же анализ описи приводит к выводу, что библиотека Святогорского монастыря была достаточно скромной, но не скудной. В 60-е гг. XIX в. в монастырской библиотеке сохранилось большое число книг XVII-XVIII вв. В ризнице находилось евангелие печати 1628 г. (л.54) и евангелие печати 1687 г. (л.54). Непосредственно в книгохранилище монастыря находились Новый Завет печати 1677 г. (л.83), Маргарит 1698 г. (л.86), “Труды на дни нарочи-

тыя праздников” киевской печати 1674 г. (л.88). Поучительные слова Симеона Полоцкого печати 1693 г. и другие старопечатные книги. Самое древнее издание в монастырском книжном собрании - Толковое евангелие 1603 г. (л.89). Большинство книг старой печати относится ко второй половине XVIII в. (всего их 49, основная часть книг имеет служебный характер: это Слова, поучения отцов церкви, уставы и т.д.). В описи монастырской библиотеки значится годовой комплект Пролога издания 1782г. (л.54 об.), а также “Двенадцать книг Четвы - Минеи по числу месяцев. Все сии книги в кожаном переплете, в лист. Печатаны в Москве, 1759-го года сентября 8-го числа” (л. 54 об.).³ Можно с уверенностью утверждать, что большая часть монастырской библиотеки 60-х гг. XIX в. сохранилась от более древнего времени, издания XVII-XVIII и начала XIX вв. не были более поздними приобретениями или вкладками. В кратком перечне книг из ризницы и монастырской библиотеки в “Описании Святогорского монастыря” игумена Иоанна (1899 г.) перечислены 25 книг XVII-XVIII в., в конце XIX в. в монастырской библиотеке сохранились и евангелие 1603 г., и Поучительные слова Симеона Полоцкого, “Труды на дни нарочитыя праздников” и др. Игумен Иоанн приводит вкладные записи на некоторых книгах, которые и удостоверяют, что данная книга вошла в состав монастырской библиотеки еще в XVII или XVIII в. Таким образом, состав библиотеки, особенно в древней части, не претерпел каких-либо изменений, и в 20-30-е гг. XIX в. мало чем отличался от библиотечного собрания 60-х гг., за исключением более поздних изданий 40-50-х гг. В какой-то мере по описи 60-х гг. мы можем судить и о составе монастырской библиотеки времен Пушкина.

В описи 60-х гг. перечислены только книги печатные, но нет перечня книг рукописных, в то время как сохранились некоторые свидетельства того, что в монастырской библиотеке XVIII и XIX вв. имелись рукописи и они активно читались и переписывались не только иноками, но и людьми

светскими, интересующимися историей Святых гор. К этим наблюдениям мы пришли в результате источниковедческих разысканий при изучении Повести о явлении икон на Синичьей горе. Созданная в 70-х гг. XVI в., Повесть переписывалась и обрабатывалась в течение всего последующего времени. В настоящее время известно 25 списков Повести, они разделяются на шесть редакций XVI-XIX вв. Краткая, Средняя, Пространная, Компилятивная редакции достаточно единообразны в описании явления икон и основания монастыря, они разнятся между собою в основном дополнительными рассказами о событиях более позднего времени (например, рассказы о крестном ходе, о чудесах) и литературно-риторической обработкой древнего текста, характерной для редакций XVII в., а также некоторыми фактическими деталями. Значительно отличаются по содержанию и стилю тексты Повести в списке 1837 г. из рукописного отдела БАН, собр. Плюшкина, 90 (редакция 30-х гг. XIX в.) и в списке 1862 г. из рукописного отдела ИРЛИ, собр. Осиповых - Вульф, № 23030 (редакция 50-х гг. XIX в.); они имеют очень интересные дополнения в рассказе о явлении икон, судьбе отрока Тимофея и описании достопамятных мест в Святых горах.⁵ Как показало исследование, в монастырской библиотеке в 20-30-х гг. находились списки Повести Компилятивной редакции, именно она стала основой для монастырских редакций и списков XIX в.

Испытывая острую нужду в исторических материалах и сведениях при работе над "Борисом Годуновым", Пушкин мог обратиться к тем книгам, которые хранились в монастырской библиотеке. Во время ссылки в Михайловское Пушкин почти во всех письмах к друзьям обращается с просьбой прислать ему книг. Иногда он конкретно указывает, что именно ему необходимо. Так, в письме к Жуковскому от 17 августа 1825 г. Пушкин просит прислать ему "жизнь Железного Колпака или житие какого-нибудь Юродивого. Я напрасно искал Василия Блаженного в Чет.<бих> М.<инях > - а мне бы очень нужно" (XIII,

211-212). Интерес Пушкина к Повести о явлении икон на Синичьей горе мог быть вызван прежде всего именно этой нуждой в литературе о юродивых: герой Повести - юродивый Тимофей. В исследовательской литературе на Повесть как один из возможных источников при создании Пушкиным образа юродивого Николки не обращали внимания.

Святогорский юродивый Тимофей не может быть признан каноническим типом юродивого. Отвечая на вопрос, в чем суть юродства, А.М. Панченко выделяет две его стороны: "Пассивная часть его, обращенная на себя, - это аскетическое самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти... Активная сторона юродства заключается в обязанности "ругаться миру", т.е. жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и непременного условия юродства, причем юродивый не считается с условиями места и времени, "ругаясь миру" даже в божьем храме, во время церковной службы".⁶ В действиях и образе жизни Тимофея нет "глумления" и "ругания миру", он в большей степени молитвенник и визионер, "человек Божий", блаженный, чем юродивый, хотя некоторые топы житий юродивых есть и в описании его жизни.

Юродству как определенному виду христианского подвига присущи кротость и покорность; бесстрастно, без ропота юродивые сносят все жизненные лишения и поношения от людей. Тимофей с детства был кроток и молчалив, "никому жестока словеси и неподобна не извещаваше", дети же "творяху ему пакости" (л. 2 об.).⁷ Когда же ему исполнилось 15 лет, т.е. когда он стал юношей, многие "нарицаху его урода несмыслена". По-видимому, "уродом" окружающие называли его в житейском смысле этого слова, как телесно и душевно убогого. Таким, вероятно, считали своего сына и родители, потому и заставили его пасти скот. В Тимофее нет дерзости, он не "глумится" и не обличает, как это свойственно

большинству юродивых, он смиренен и кроток и не нарушает общественных приличий. В Повести часто упоминается о посещении Тимофеем церкви, и в церкви он не кощунствует, а молится, при этом делает это днем, открыто, а не тайно. Как всем святым и юродивым, ему не свойственно стяжательство. В отличие от других юродивых, Тимофей не просит милостыни, он работает, но “без мзды” (как Иоанн Устюжский); если же и получает плату за работу, то все отдает убогим, сиротам и вдовицам. После явления икон он шесть лет “обходя по градом и весем, работая человеком со всяким терпением, а мзды ни у кого же не взимае” (л. 4). Деньги и одежду, подаренные ему Михаилом, у которого Тимофей находился в услужении, он раздает нищим, оставшись только в своей ветхой ризе. Подобно юродивым, у него нет дома, он скитается, однако в Повести не упоминается о крайностях аскетизма в образе жизни Тимофея, об истязаниях плоти. История женитьбы Тимофея, как пример умерщвления плоти (женившись по принуждению, Тимофей “не прикоснуся” к жене, пребывая ночью без сна, молясь или же “урод творяшеся”, днем же работая с усердием), типична не только для житий юродивых, она встречается в житиях и других святых.

В Повести несколько раз реализуется ситуация “юродивый – толпа” и постоянно подчеркивается агрессивность толпы, “ругание” и насмешки по отношению к Тимофею. При первом его появлении в Воронице “мнози бо от человек глумляхуся, и позор ему творяху, и урода его мняху быти несмысленна” (л. 4). Когда он говорит народу и священникам в Воронице о необходимости совершить крестный ход к Синичьей горе, то они “урода его несмысленна нарекоша, овии же и ругахуся ему вельми” (л. 6). Особенно же священник Георгиевской церкви Никита “ругашася ему и нарицаша его урода безумна” (л. 6). Как воспринимал Тимофей это “ругание” толпы, поясняется только в одной из редакций Повести - Средней: “Он же с любовью приимае и благодарне терпяше от них”.⁸ Противостояние толпы и юродивого исчезает только после

того, как пред всеми явилась на Синичьей горе икона Богородицы.

Юродивый обычно наделен даром провидения, его пророчества нередко облекаются в бессмысленные на первый взгляд речи, мудрость которых осознается со временем. Пророчествуя, юродивый, как правило, не ссылается на волю свыше; во всяком случае об этом не упоминается ни в житиях, ни в устных преданиях о юродивых. В известных русских житиях юродивых нет рассказов о видениях, явлениях и голосах небесных сил, по воле которых действует юродивый. Святогорский юродивый Тимофей обладает не столько даром провидения, сколько видения, визионерства, он не пророчествует, непостижимым образом проникая в смысл жизненных явлений. Все действия Тимофей совершает по повелению некоего “гласа”, исходящего от икон Богородицы, являющихся ему. Первое видение повергло его в недоумение и страх: “Егда же пасушу ему скоты на реце, зовомой Лугвице, в год вечерняго пения виде на воздухе пречуден свет велик, паче солнца сияющ. Он же ужасен быв, от страха того паде на землю на мног час, моляся Господу Богу, глаголя: “Господи Иисусе Христе, молитвами пречистыя твоя Матере помилуй мя”. И помышляша, что будет видение сие. И абие услыша глас предивен, глаголющ от света оного: “О Тимофее, востани, не бойся!” Он же паки трепетен быв, восклонився и виде во свете оном икону пречистыя владычицы наша Богородицы Умиление, на руки держащу превечнаго младенца Господа нашего Иисуса Христа и своим пречистым и непорочным лицом приклонившася к пречюдному лицу Господню. От нея же свет велик сияющ паче луч солнечных, и глас бысть к нему: “О Тимофее, поиди на Синичью гору, тамо узриши благодать Господа Бога, творца небеси и земли и вся яже в них содетеля и создателя всему миру и благодетеля всякому дыханию”. Он же во страсе паки бысть велице, размышляше, что есть видение сие” (л.3-3 об.).

Второе и третье видения Тимофею были более конкретны по своим указаниям: “Приходящу же ему близ Синичьи горы

и виде на воздухе свет пречюден сияющ и икону ту же во свете оном пречистыя Богородицы Умиление. И глас бысть к нему: “О Тимофее, от сего времени по шести летех, тако Господу извольшу, прииди на Синичью гору и обрящещи благодать велию. Ты же буди отселе до реченнаго времени в терпении блазе, благодать бо моя да будет с тобою”. И паки взяся икона та на воздух и невидима бысть” (л.3 об.-4). В третьем видении Тимофею голос от иконы повелевает ему пойти в Воронич и сказать горожанам и священникам, чтобы они шли крестным ходом с иконой Умиление на Синичью гору.

И только последний поступок Тимофея не объясняется гласом свыше. После сообщения о строительстве церкви и основании монастыря на Синичьей горе в Повести следует рассказ о проповеди Тимофея в Новгороде. “И по том явлении поиде блаженный Тимофей во область Новгородскую по селом и по погостом и в самом великом Новеграде возвести милость Божию и пречистыя Богородицы явление чудотворных икон во области Псковския о бывающей благодати исцеления всем болящим, приходящим с верою, от честных ея икон чудотворных, и дабы шествие сотворил архиепископ великаго Новаграда с народом во область Псковскую, во обитель пречистыя Богородицы на Синичью гору молитися о православном государе царе и о всей Российской земли православных христиан, чтобы Бог дал тихо и смирно и безмятежное житие и избавил бы от междоусобныя брани, от глада и мора и от нашествия поганых на Российскую землю” (л. 11-11 об.). Однако новгородцы и архиепископ Пимен не прислушались к голосу блаженного, пророчившему грядущие беды: “И сему овии не вероваша, посмеяшеся и поругашеся, яко же согласом Божиим, Христа ради уродивым, якоже и ныне творится: безумнии ругаются угодником Божиим и не веруют глаголемым ими от Бога милости Божия или будущия казни за грехи человеческия” (л. 11 об.). Новгородский архиепископ приказал отправить Тимофея в заточение, где он и скончался, а Новгород вскоре был разо-

рен Иваном Грозным: “Сия же проповеть от раба Божия Тимофея бысть в великом Новеграде не за много лет пред пленением великаго того града. И бысть же пленение то в лето 7078-го, еже и збысться пророчество блаженнаго Тимофея в великом Новеграде” (л. 11 об.-12).

Эта постоянная связь действий Тимофея с волей Богородицы (глас от иконы Богородицы) необычна для житий русских юродивых и для устных преданий о них. Ни в одном из житий юродивых этот мотив не определяет развитие сюжета всего произведения. Что же сближает святогорского юродивого Тимофея, предания (устные или письменные) о котором не мог не знать Пушкин, и Николку из трагедии “Борис Годунов”?

Образ Николки ключевой в понимании замысла трагедии, он занимает центральное место в системе персонажей. В литературе подробно рассмотрены функции образа юродивого в композиционной и идеологической структуре трагедии, отмечены как типологические, так и конкретно исторические черты юродства в его образе. В поведении Николки выделяют несколько знаковых для юродивых черт и ситуаций. Аскетизм юродивого, его неприступность и нагота, насмешки детей, которые дразнят и обижают юродивого, толпа на площади, среди которой он и осуществляет свой подвиг юродства, парадоксальность и “безумие” с точки зрения здравого смысла поступков (просит милостыню у нищей) - постоянные места всех житий юродивых. Но это внешние черты юродства, главное же заключается в активной позиции Николки, его бесстрашии, с которым он говорит в лицо царю правду (в то время как все молчат), обвиняя его в убийстве царевича. Слова Николки - это глас Божий, голос высшей правды и совести.⁹ Перечисленные аспекты, важные для представления о юродстве как особом христианском подвиге, и особенности их реализации в трагедии Пушкина достаточно полно проанализированы в литературе о “Борисе Годунове”.

Рассматривая вопрос о возможных источниках при создании образа Николки,

исследователи приходят к выводу, что его историческими прообразами стали Никола Псковский, Иоанн Большой Колпак и Василий Блаженный, отличительной чертой этих юродивых является обличение царя. Подробный анализ источников, к которым мог обратиться Пушкин при работе над 17 сценой трагедии “Борис Годунов” и образом юродивого, дан в статье Н. Грановской “Юродивый в трагедии Пушкина”.¹⁰ По мнению Н. Грановской, “помимо краткого рассказа Карамзина о юродивых в X томе “Истории”, откуда Пушкиным взято прозвище московского юродивого Иоанна - Большой Колпак (у Пушкина - Железный Колпак), источником для создания образа Николки в трагедии Пушкина были псковские предания о юродивом Николе”.¹¹ Пушкин мог знать устные предания о псковском юродивом, которого считали спасителем Пскова от гнева Ивана Грозного: бесстрашно юродивый обвинил царя в кровопийстве и потребовал оставить Псков. Среди письменных источников, из которых Пушкин мог почерпнуть сведения о псковском юродивом, Н. Грановская называет IX том “Истории Государства Российского” Н.М. Карамзина, в котором есть рассказ об обличении царя юродивым и спасении города. Кроме того, это же предание о Николе изложено и в книге Н. Ильинского “Историческое описание города Пскова и его древних пригородов” (СПб., 1794), которая находилась в библиотеке Пушкина. Приводя эти исторические параллели к образу пушкинского юродивого, исследователи прежде всего обращали внимание на важное для Пушкина противостояние юродивого царю, бесстрашное обличение им царского произвола.

Своего источниковедческого объяснения не нашла, как нам кажется, фраза пушкинского Николки “Богородица не велит”. Юродивые “Христа ради” именно его волей должны были бы мотивировать свои поступки, с его именем на устах пророчествовать и поучать. Как правило, в житиях юродивых нет ссылок на волю свыше как на обоснование их действий, имя Бога и Богородицы во время пророчеств в устах

юродивого появляется чрезвычайно редко; на людях, в толпе они чаще кощунствуют, чем славят Бога. В медиевистике недостаточно внимания уделялось вопросу о том, какие высшие святые силы покровительствовали юродивым, кто самими юродивыми осознавался как их заступник и покровитель. Покровительницей и Путеводительницей во всех делах псковского юродивого Тимофея была Богородица, ее голос, ее воля в каждом его поступке и жесте, он делает все так, как велит Богородица, он - медиатор между гласом свыше от иконы Богородицы и людьми. Мне кажется, что на этот момент следует обратить внимание при комментировании 17 сцены в трагедии Пушкина “Борис Годунов”. Образ юродивого Тимофея из Повести о явлении икон на Синичьей горе, в деяниях которого так непосредственно проявляется связь с Богородицей и небесными силами, мог быть одной из составляющих в пушкинском осмыслении юродства как проповеди и воплощения в миру “гласа Божьего”: “Нет, нет! нельзя молиться за царя Ирода - Богородица не велит”.

Тема юродства в разной степени актуализирована в редакциях Повести, она стала центральной в Средней редакции. В ее редакционных изменениях прослеживаются определенные тенденции, цель которых состоит в том, чтобы сделать образ юродивого Тимофея более агиографическим, приблизить рассказ о нем к каноническому житию юродивого, дополнительно введя некоторые характерные для этого типа житий мотивы. Однако новые детали не изменяют кардинально сам тип юродивого, явленного в образе Тимофея, его общие черты остаются прежними. Кроме того, Средняя редакция имеет еще одно существенное отличие от других редакций: она заканчивается рассуждением о юродивых как о “вестниках от Бога”, посылаемых в мир, чтобы “Божьим хотением” пророчествовать о разных бедах - казнях, разорении, пожарах, нашествиях и т.д., а также обличать тех, кто “впадоша в безмерная согрешения”. Приведем этот фрагмент: “Сие же явление иконы пречистыя Богородицы

и проповедь раба Божия бысть не за много лет пред пленением великаго Новаграда и Пскова и всей Русстей земли от царя Иоанна Василиевича, и пред нашествием поганных на Русскую землю, и пред мором и гладом. Знамение бо Божие являетца всегда пред наказанием Божиим во всякой твари, тако же и от святых икон, еже и збыться пророчество раба Божия Тимофея на Великом Новеграде и Пскове, понеже человецы, в велице доволстве и благоденстве живущи, впадоша в безмерная согрешения. Того ради Божиими судьбами наказани быша многими казньми, да же покаютца. Тако же и в нынешняя последняя времена пред разорением Руския земли по всем градом мнози блаженнии Христа ради уродивии быша мужи и жены, и елицы что от них о коем граде изрекоша о разорении, тако и бысть. Те бо вестницы суть от Бога, Божиим хотением прорицают над нами збываться по грехом нашим. Яко же древле пророцы Божий, тако и в новой благодати блаженнии Христа ради уродивии Андрей и Симеон на востоце в грецах были. Якоже и сам блаженный Андрей о них рече, яко несть града на земли, ни страны без саллоса, и благо есть граду тому, в нем же саллос бе, и горе есть стране той, в ней же несть саллоса, понеже несть провозвестника о времени, хотящем быти на люди гладу, или мору, или запалению, или мятеж граду, или нашествие ратных по Божию изволению. Яко да слышавше благоразумнии людие наказание Божие, покаются, яко же от Ионы пророка в Ниневии слышавше погибель, покаышася. Так же и в нашей Русстей земли не остави Бог без таковых своих угодник

быти, но во многих градах суть и по смерти прославлени от Бога, яко же и zde, в пресловущем граде Пскове, не за много лет разорения Руския земли, и псковскаго пожару, и междоусобия, и нахождения поганных были блаженнии Христа ради уродивии мужие, о них же вмале повем. В пришествие во Псков великаго царя Иоанна Василиевича блаженный Никола ярость цареву укроти, Марко блаженный, пустынный житель, градское погорение и междоусобие провозвести, Иоанн Затворник, молчаливый и хлеба не ядый, токмо рыбу, сей о избавлении града от поганных немец прорече, иже суть положены у святых Троицы. И сим святым мужем подобает добре и богоугодно живущим, пророчествующим о находящих временех на нам быти, веру яти. Они бо яже от Бога откровена суть им хотящая нам быти глаголют, благая или злая..."¹²

Представление древнерусского автора-псковича о юродивом как пророке, “по Божьему изволению” провозвестнике “о времени, хотящем быти на люди”, оказывается удивительно близким пушкинскому пониманию юродства. Заманчиво было бы предположить, что Пушкин мог знать именно этот текст Повести, однако никаких веских оснований для этого пока нет. На данном этапе исследования литературной истории Повести можно лишь констатировать, что в библиотеке Святогорского монастыря времен Пушкина была Компилятивная редакция Повести, которая в изображении юродивого Тимофея не имеет каких-либо существенных разночтений с другими редакциями.

Примечания

1. *Фомичев С.А.* Неизвестная пьеса А.С. Пушкина // Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве. Париж – Петербург: Изд-во Гржебина, Изд-во “Нотабене”, 1993. С. 242.
2. Полное название этого документа: “Список с главной описи церковному имуществу Святогорскаго Успенскаго тртьекласнаго мужскаго монастыря, состоящаго Псковской епархии в Опочецком уезде, составленной в 1866-м году в следствие указа Псковской Духовной Консистерии от 28 февраля 1854-го года за № 1693-м по таковому ж из Святейшаго Правительствующаго Синода от 31-го мая 1853-го года за № 6001-м, сообразно Высочайше утвержденным для сего предположениям и форме Высокопреосвященнейшаго митрополита Московскаго Филарета” (л. 1). Я благодарю за предоставление ксерокопии части этого документа М.Е. Васильева.
3. Согласно “Сводному каталогу русской книги Кирилловской печати XVIII века.”, в сентябре 1759 г. были изданы “Жития Святых” Дмитрия Ростовского (Зернова А.С., Каменева Т.Н. Свод-

ный каталог русской книги Кирилловской печати XVIII века. М., 1968. С. 203, № 578.

4. *Иоанн, игумен*. Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии. Псков, 1899. С. 70-74.

5. Подробнее о литературной истории Повести см.: *Охотникова В.И.* Новые материалы по литературной истории Повести о явлении икон Синичьей горе // ТОДРЛ, СПб., 1996. Т. 49. С. 376-387; *Она же*. Реалии Пушкинского времени в монастырском списке Повести о явлении икон на Синичьей горе (в печати); *Она же*. Монастырская редакция Повести о явлении икон на Синичьей горе второй половины XVII - начала XVIII вв. (в печати).

6. *Панченко А.М.* Смех как зрелище: Древнерусское юродство // *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в литературе Древней Руси. Л.: Наука, 1984. С. 79.

7. Здесь и далее текст Повести о явлении икон на Синичьей горе цитируется по списку Компилятивной редакции БАН, собр. Плюшкина, № 77, л. 2-16; указания на конкретные листы рукописи даются только при цитировании больших фрагментов текста; листы проставляются в скобках после цитаты.

8. *Охотникова В.И.* Новые материалы... С. 382.

9. См., например: *Непомнящий В.* Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1987. С. 276-282.

10. *Грановская Н.* Юродивый в трагедии Пушкина // *Русская литература*, 1964, № 2. С. 92-94.

11. Там же. С. 94.

12. Полностью данный текст см.: *Охотникова В.И.* Новые материалы... С. 386-387.